

либерал

Андрей Колесников

Пять пятилеток либеральных реформ

Истоки российской
модернизации
и наследие
Егора Гайдара

Андрей Владимирович Колесников
Пять пятилеток либеральных
реформ. Истоки
российской модернизации
и наследие Егора Гайдара
Серия «Либерал.RU»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67804091

*Пять пятилеток либеральных реформ: Истоки российской модернизации и наследие Егора Гайдара / Андрей Колесников: Новое литературное обозрение; Москва; 2022
ISBN 978-5-4448-2036-0*

Аннотация

**НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ, ЛИБО
КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА.**

Распад Советского Союза стал среди прочего результатом отказа властей от рыночных преобразований. Промедление с реформами в 1980-х обусловило их радикальный характер

в ситуации развала экономики уже постсоветской России в 1992 году. В книге Андрея Колесникова исследуется и оценивается интеллектуальная и политическая история российских либеральных реформ 1990-х в переплетении с биографией их главного архитектора Егора Гайдара. Радикальные преобразования стали авторским проектом Гайдара и его команды. Но при этом, как показывает автор, они были неизбежными и безальтернативными. Их окончательный успех зависел от того, насколько последовательным окажется развитие демократических институтов. Однако с годами политическая система приобрела авторитарный характер, а модернизация страны была остановлена. Что именно привело к такому итогу и возможны ли успешные реформы в России – на этот вопрос тоже пытается ответить автор. Андрей Колесников – эксперт Фонда Карнеги, бывший шеф-редактор «Новой газеты». Автор книг «Спичрайтеры», «Анатолий Чубайс. Биография», «Семидесятые и ранее», «Дом на Старой площади», а также книги «Диалоги с Евгением Ясиным», вышедшей в «НЛО». Лауреат Премии Егора Гайдара (2021) «за выдающийся вклад в области истории».

Содержание

Пролог	7
Мир, который создан Гайдаром	40
Первая пятилетка, 1980–1985	59
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Андрей Колесников

Пять пятилеток либеральных реформ. Истоки российской модернизации и наследие Егора Гайдара

Несмотря на то, что я в свое время не имел возможности охватить точными исчислениями переход от принудительного к социальному рыночному хозяйству и предсказать точным образом все этапы этого перехода, я был, тем не менее, непоколебимо убежден в правильности этого пути; так теперь я уверен в том, что свобода, в качестве самой могучей силы человека и в качестве высшей ценности, в конечном счете все же пробьет себе дорогу и восторжествует.

Людвиг Эрхард. Благополучие для всех. 1956

*Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Все это было только скука,*

*Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов,
Казалось.
Узлы к узлам.
И постепенно сетью тайной
Россия.
Наш царь дремал. . . .
.*

Александр Пушкин. Евгений Онегин. Десятая глава

Пролог

Секретные планы преобразований, или «Заговор между Лафитом и Клико»

Реформы в России начинаются с секретных или полулегальных встреч. Будь то заседания будущих реформаторов на спортивной базе ленинградского Финансово-экономического института «Змеиная горка» в августе 1986 года или собрания противников русского самодержавия, которые Александр Пушкин называл «заговорами между Лафитом и Клико». Но главные решения принимаются верхами, и сами реформы начинаются сверху. И этими же верхами, увязшими в компромиссах и парализованными страхом перед последствиями преобразований для самих себя, останавливаются.

Компромиссность и страх превращают слово «секрет» в одно из главных в описании реформ по-русски. Александр I вступает на престол в 1801 году и проводит время с четырьмя приятными и европейски образованными молодыми людьми, которые формируют Негласный комитет. Они обсуждают назревшие реформы. В 1826 году Николай I начинает обсуждение крестьянского вопроса в Секретном комитете, в который среди прочих входят участник того само-

го, еще начала века, Негласного комитета граф Виктор Кочубей и любимое перо предыдущего царя, им же отправленный в ссылку Михаил Сперанский.

В атмосфере секретности в России плетутся либерально-модернизационные антиправительственные заговоры и в то же самое время в верхах с одобрения первого лица планируются реформы. Правда, в верхах, как правило, широкие и смелые замыслы со временем или отвергаются как нереалистичные и опасные, или реализуются на практике таким образом, что лучше бы их было и не начинать.

Юный Александр I признавался своему швейцарскому воспитателю Фредерику-Сезару Лагарпу, что «как только он будет коронован, то созовет представительное собрание для подготовки конституции, которая лишит его какой бы то ни было власти». С членами Негласного комитета он обсуждал в том числе возможную отмену крепостного права. Как писал Пушкин, император увидел в «Путешествии из Петербурга в Москву» Александра Радищева «отвращение от злоупотреблений и некоторые благонамеренные виды. Он определил Радищева в комиссию по составлению законов и приказал ему изложить свои мысли касательно некоторых гражданских постановлений». Но закончилось все тем, что мы сегодня назвали бы «административной реформой», которая ничего не изменила в самодержавном характере правления, а сам главный реформатор Михаил Сперанский, как «иностранный агент», был сослан за вымышленные связи с Напо-

леоном сначала в Нижний Новгород, а потом в Пермь.

Николай I, обжегшись на восстании декабристов, испугавшись Сенатской площади, как потом будут пугаться Майдана, вроде бы ни о каких реформах и думать не хотел, но в знаменитом разговоре с Александром Пушкиным 8 сентября 1826 года, по некоторым сведениям, обсуждал с поэтом преобразования в России. А свод показаний декабристов о внутреннем положении России по приказу царя был передан Секретному комитету, готовившему реформы. То есть государя не просто интересовало их мнение, он, по сути, задумывался над тем, чтобы заимствовать планы реформ у бунтовщиков.

Ход одной из ключевых реформ – крестьянской – модельно, на десятилетия и даже века вперед, показывает, как власть в России их планирует, а потом от них же и отказывается. Сухая хроника: в декабре 1826 года царь поручает Секретному комитету заняться крестьянским вопросом; в апреле 1827 года он передает в Комитет одобренную им записку Сперанского о необходимости запрета продавать крепостных без земли – предполагалось, что это будет первый паллиативный шаг к постепенному освобождению крестьян; в августе того же года начинается подробное обсуждение этой реформы; новый закон должен быть готов к декабрю, но... откладывается до 1830 года; после этого государь посылает проект брату Константину, а тот предлагает отдать замысел «на суд времени». В течение царствования Николая собира-

лось 11 комитетов по крестьянскому вопросу, и все – безрезультатно. И это то самое правительство, которое, согласно формуле из черновика письма Пушкина Чаадаеву, «все еще единственный европеец в России»...

Реформы в стране, даже будучи реализованы в ходе очередной волны европеизации, никогда не доводились до конца и оборачивались контрреформами или стагнацией.

Ментально-ценностный аспект реформ иной раз оказывается главным. Десталинизация при Никите Хрущеве уже сама по себе была реформой и создала основу для политических и экономических преобразований. В идеократии слова имеют огромное значение, и, если они меняются, начинают меняться и мозги. Поэтому, например, нельзя недооценивать усилия по подготовке новой редакции программы КПСС, работа над которой началась еще в середине 1958 года (хотя первые – отложенные – наброски были сделаны еще при Сталине, в 1947-м), или над новой версией советской Конституции: ее писали с 1962 года, в 1964-м был готов проект, предусматривавший переход от государства «диктатуры пролетариата» к «общенародному государству», а акцент делался на «всемерном развертывании демократии» и «народовластии». Группа, готовившая текст нового Основного закона, в записке, переданной в Президиум ЦК КПСС, предлагала всенародно избирать президента Союза ССР, сформировать двухпалатный парламент и учредить Конституци-

онный суд. По воспоминаниям Федора Бурлацкого, работавшего тогда в интеллектуальной службе власти, Никита Хрущев возмущался: «Здесь какие-то мальчишки хотят переместить меня с поста предсовмина и назначить председателем Верховного Совета СССР» – так он воспринимал идею выборов президента. Проект, который был в результате принят в 1977 году, в этой части был несколько более сдержанным.

Дискуссии о возможности экономической реформы и подготовка общественного мнения тоже начались при Никите Хрущеве. А реализация стала возможной при Леониде Брежневе, когда Алексей Косыгин, войдя в альянс с антихрущевскими заговорщиками, понадеялся на то, что Леонид Ильич даст ему политическую крышу для перезагрузки социалистической экономики.

Дискуссия началась со статьи экономиста Евсея Либермана, опубликованной в газете «Правда» 9 сентября 1962 года. Портрет этого уже немолодого харьковского экономиста, увлеченного проблемами машиностроения и женатого на сестре пианиста Владимира Горовица, появился в журнале Time с аншлагом «Советы заигрывают с прибылью». Так бы мы перевели на «советский русский». Но более игриво и, в сущности, справедливо звучало бы: «Советский флирт с профитом». Потому что одно дело прибыль как категория из «Капитала» Маркса, другое – как скучный показатель в советском народном хозяйстве и совершенно иное – прибыль как двигатель экономической заинтересованности. В кото-

рой есть что-то глубоко несоциалистическое, даже не соответствующее «Моральному кодексу строителя коммунизма», который был принят незадолго до появления статьи.

Статья в «Правде» – не просто статья. Это почти всегда установка. Высший пилотаж – текст человека с ярко выраженными еврейскими именем и фамилией. Значит, было покровительство. Значит, наверху кто-то считал, что «так надо». Значит, экономическая реформа к тому времени перезрела, а общественная атмосфера вполне способствовала переменам. Хотя буквально через месяц после статьи состоялся Карибский кризис.

Статья в «Правде» была частью серьезной подготовки дискуссии о реформе. В 20-х числах сентября 1962-го состоялось неслучайное заседание Научного совета по хозяйственному расчету и материальному стимулированию при Академии наук СССР. И пошла-поехала дискуссия о реформе хозяйственного механизма, которая спустя ровно три года вылилась в знаменитый доклад премьера Алексея Косыгина на пленуме ЦК КПСС в сентябре 1965 года, с которого отсчитывают начало попытки реформы. Кстати, в «народе» реформу называли «либерманизацией», в чем проявлялось несколько скептически-ироничное отношение к ней.

Тем не менее именно в 1960-х на дискусионно-реформаторской волне произошла реабилитация самих понятий «экономика» и «экономист». К людям, пытавшимся начать разбираться в реальной природе экономических процессов,

уже нельзя было применить известный советский анекдот: «Папа, а кто такой Карл Маркс?» – «Это такой экономист». – «Как наша тетя Сара?» – «Нет, что ты, тетя Сара – старший экономист».

Экономисты вдруг стали востребованными. Это поняли не только представители самой экономической науки, но и заинтересованные в их работе руководители государства. И в первую очередь председатель правительства Алексей Косыгин. В мае 1968-го, набрасывая тезисы своего выступления на экономическом совещании, он записывает: «Впервые, пожалуй, вопросы экономических исследований стали занимать важное народно-хозяйственное значение... мы можем сказать, что только теперь у нас появились настоящие экономисты».

Конечно же, превращению экономики из «централизованной теологии» (авторство этого термина принадлежит основателю Высшей школы экономики Ярославу Кузьминову) в науку способствовали математические методы. Все тогда бросились в теорию оптимального функционирования – был большой соблазн выстроить идеальную работающую модель социализма. Но, сами того не замечая, возвращались к уже давно известным «буржуазным» теориям и моделям Вальраса, Парето, Бем-Баверка.

Неудивительно, что одним из «штабов» реформаторской мысли стал Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ): там шли поиски алхимической волшеб-

ной формулы всеобщей оптимизации, найти которую надеялись с помощью электронно-вычислительной техники. Но как можно было увязать друг с другом и уравновесить невероятное число материальных балансов – за 2000 отвечал Госплан СССР, за 20 000 – Госснаб, и т. д.?

Как развивалась реформа? Во исполнение решений сентябрьского (1965 года) пленума ЦК КПСС в январе 1966-го 43 предприятия 17 отраслей экономики заработали на основе новых принципов хозяйствования, до некоторой степени раскрепощавших инициативу предприятий: к священному понятию «план» добавились почти крамольные для ортодоксальной социалистической политэкономии категории «прибыли» и «премии», всепобеждающий «вал» заменялся показателем «объем реализации продукции». То есть продукт должен был быть не просто произведен, но и продан.

Сегодня очевидно, что косыгинская реформа, подталкивавшая директоров предприятий к почти рыночному поведению, в отсутствие рынка и частной собственности была обречена на провал. Казалось бы, во второй половине 1960-х экономика все-таки пошла в гору и официальные показатели роста оказались очень высокими. Это было связано с реформами, хотя, по оценке авторитетных экономистов, например Евгения Ясина, рост был спровоцирован инфляционным разогревом: минимум свободы подтолкнул предприятия к увеличению ассортимента и, соответственно, небольшому повышению цен. Кроме того, к концу 1960-х эконо-

мика столкнулась с еще одной проблемой: дефицитом рабочей силы. Егор Гайдар в книге «Гибель империи» приводил фрагмент из выступления Брежнева на пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 года: «Основная задача... добиться резко-го... повышения эффективности использования имеющихся трудовых и материальных ресурсов».

Характерно, что снижение «давления в трубах» реформ совпало с политическими заморозками, отсчет которых ведется с августа 1968-го, времени вторжения советских войск в Чехословакию. Кроме того, Косыгин был зажат аппаратно-политическими ограничителями. В чем они состояли, он и сам не мог сформулировать, многозначительно кивая на самый верх. Но выше его был Брежнев, который и сам в целом был не против «улучшений» и «совершенствований». Сама система – обезличенная и равнодушно-монументальная – останавливала попытки даже самых влиятельных персонажей минимальным образом ее реформировать.

В итоге простое повышение экономической самостоятельности предприятий не решало проблем экономики, основанной на плане. В начале 1968 года газета «Известия» опубликовала результаты опроса рабочих передового Луганского тепловозостроительного завода. Большинство затруднилось с ответом на вопрос, что дала реформа для производства и для них лично. Значительная часть ответила «мало» или «ничего».

О состоянии советской экономики вожди думали с трево-

гой, но выбраться из капкана социалистических методов хозяйствования они не могли и не хотели.

«У нас наметилась тенденция к замедлению экономического роста. Большие недостатки имеются в капитальном строительстве. Слишком медленно увеличивается производительность труда, эффективность общественного производства. Эти и другие моменты вызывают серьезное напряжение...»

Процитированные слова были произнесены в декабре 1969 года, что удивительно. Произнес их, что еще более странно, никакой не Косыгин, а Леонид Брежнев. Дело было на пленуме ЦК КПСС, речь его оказалась засекречена, в печати появилось только короткое сообщение о дежурном руководящем действе. Во втором томе «Ленинским курсом» – политиздатовском собрании «произведений» Брежнева за 1967–1970 годы этого текста, разумеется, нет.

Дежурно – скороговоркой – отчитавшись об успехах, Брежнев перешел к анализу трудностей. Можно, конечно, предположить, что тем самым он уязвлял Косыгина. О реформе Ильич особо не распространялся, а успехи открыто приписывал изменению системы управления – переходу от хрущевских совнархозов к отраслевым министерствам. Но его отчет как будто написан сегодня: удивительным образом, несмотря на принципиальную разницу между нынешним экономическим укладом и тогдашним, Россия пришла, в сущности, к тем же проблемам, что и в конце 1960-х. И этот

результат обеспечен сегодня невероятной степенью государственноцентричности, верой во всемогущество государства, которому достаточно рационально вбросить в экономику побольше денег – и все сразу заработает. Модель раздаточного государства, которое лучше других субъектов экономики знает, что им надо, самовоспроизводится в России не десятилетиями, а веками. Собрали деньги – перераспределили деньги...

Брежнев сетовал на то, что дополнительные расходы, вызванные, как сказали бы сейчас, геополитической напряженностью, легли тяжким бременем на экономику. Но что же делать: «Если бы мы не помогли дать отпор проискам империализма в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, это вдохновило бы американцев и их союзников на новые агрессивные акции где-то уже поближе к нашим границам... Если бы мы не сорвали планы контрреволюции в Чехословакии, войска НАТО скоро оказались бы непосредственно у наших западных границ». Аргументация узнаваема и спустя десятилетия.

Однако, говорил Брежнев, это очевидные объективные трудности. А вот как быть с эффективностью производства? Надо учитывать то обстоятельство, что «изменились главные факторы нашего экономического роста». Хочется ущипнуть себя – уж не сон ли это, не о нулевых ли, не о десятых ли, не о двадцатых ли годах XXI века эти слова, когда понимание изменения природы роста перекочевало из научных работ

в публицистику, а оттуда прямиком в референтуру первых лиц государства. И – стало банальностью, которую и производить-то неловко.

«Повсеместно ощущается недостаток рабочей силы. Имеет свои пределы и такой источник роста, как наращивание темпов капиталовложений в развитие производительных сил». Это больше не работает, признает Брежнев. «Значит, впредь нам приходится рассчитывать прежде всего на качественные факторы экономического роста, на повышение эффективности, интенсивности народного хозяйства».

Странно ловить себя на том, что хочется добровольно, а не как на политинформации в школе и в курсовой в университете привести цитату из Брежнева полностью: «Речь идет о том, чтобы наращивать производство и улучшать качество продукции не только за счет новых капитальных вложений и роста численности работников, но и все в большей мере за счет полного и рационального использования уже имеющихся производственных мощностей, внедрения достижений современной науки и техники, а также за счет рачительного отношения к каждой минуте рабочего времени, к каждой машине и механизму, к каждому грамму сырья и топлива. Речь идет о том, чтобы постоянно соизмерять затраты полученными результатами, добиваться, чтобы каждый вновь вложенный рубль давал максимальную отдачу... конечный результат соревнования с капитализмом определяется иным показателем. Коренной вопрос – это не только сколько ты произ-

вел, но и какой ценой, то есть какими затратами общественно необходимого труда».

Ну и понятно, дальше – о нем, о научно-техническом прогрессе. О том же, о чем твердят и сейчас.

Больше того, внедрение результата этого самого прогресса напрямую зависит от управления нового типа. Так и хочется сказать – дигитализации, цифровой трансформации. И в этом не будет большой ошибки.

Об этом же говорил дорогой Леонид Ильич: «Ныне в мире создается настоящая „индустрия информации“, которую обслуживает сложная электронно-вычислительная и организационная техника, она опирается на серьезный математический аппарат и теоретическую базу. Ускорению темпов развития системы управления, информации и электронно-вычислительной техники мы придаем сейчас большое значение».

И мы, и мы придаем! И мы сейчас страдаем «превышением сметных ассигнований» – что бы ни строили, и мы срываем «план по освоению новой техники» – инновации внедряются медленно, неохотно, доля инновационных предприятий и продукции совсем невелика. Дорогой Леонид Ильич, вы будете смеяться, но и у нас, как вы справедливо заметили в своем выступлении, темпы роста зарплаты «опережают рост производительности труда».

«Не меньшую тревогу, – бубнит знакомый голос из прошлого, еще не изуродованный сердечно-сосудистыми забо-

леваниями, до этого еще почти пять лет, – вызывает и тот факт, что за последние годы непомерные масштабы приобрело строительство различного рода административных зданий, дворцов, стадионов, плавательных бассейнов и других объектов. При этом многие из них строятся вне плана, да еще объявляются „народными стройками“ или стройками, имеющими особое значение».

Ну и большой привет от Леонида Ильича московской мэрии – в поддержку жителей ряда кварталов Кунцево, Чертаново, Ховрино: «Нам крайне необходимо обратить внимание и на то, что делается со сносом жилых домов, в том числе вполне пригодных для проживания. Проводит главный архитектор красную линию, и все, что за этой линией, во имя реконструкции ломают».

А дальше партийная Шахерезада, остановившись ненадолго на падении поголовья разнообразного скота (тоже не праздная тема – загляните на сайт Росстата) и поголовного пьянства (с этим сегодня получше, в смысле поменьше), прекратила (не)дозволенные речи и с облегчением перешла к международному положению.

Все это осталось на бумаге, а сама бумага была рассекречена. Косыгинская реформа остановилась. ЦСУ давало фантастически благостные картинки, но при этом даже официальные данные фиксировали снижение темпов роста экономики, ибо еще академик Струмилин сказал, что лучше стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие.

Цена на нефть росла, а к 1980 году доля алкоголя в розничном товарообороте в процентах к реализации продовольственных товаров достигла показателя 31,4 %. Научно-технический прогресс блуждал по томам Комплексной программы НТП, прообраза всех программ модернизации постъельцинской эпохи – от Греча до Кудрина. И эту самую программу засунули туда же, куда и нынешние, – под сукно министерств и ведомств.

Святая вера в государство не помогла: ЦЭМИ АН СССР докладывал наверх в начале 1970-х – для управления трехмиллионной номенклатурой планового хозяйства (потом число увеличилось) компьютеру, совершающему миллион операций в секунду, потребовалось бы 30 тысяч лет непрерывной работы. Самый что ни на есть дикий рынок после либерализации цен 2 января 1992 года проделывал те же операции с невиданной легкостью, переиграв все утопии оптимальности планирования, – продукты появились на полках магазинов. Сбылась мечта академика Глушкова, предлагавшего к каждому коровьему вымени приделывать датчики, чтобы высчитывать оптимальные объемы производства молока, но сбылась без всяких датчиков – благодаря счетным способностям невидимой руки рынка.

А теперь мы зашли на новый виток: государство ищет деньги, чтобы потратить их по своему разумению, отказывая рынку в способности сделать это лучше. Опыт Леонида Ильича ничему не научил. Да и сам Брежнев, произне-

ся очень резкую по тону речь на те же темы на декабрьском пленуме 1972 года (она известна по записи в дневнике заместителя заведующего международным отделом ЦК Анатолия Черняева: «Людям нужны не деньги, а товары»), вскоре стал исповедовать иную веру: главное – ничего не менять и ничего не трогать, а про эффективность и производительность можно говорить годами, если не десятилетиями. И ушел из жизни в год, когда цена на нефть достигла тогдашнего пика – 40 долларов за баррель, что уже, впрочем, советскую экономику не спасало.

По свидетельству Ричарда Пайпса, слово «перестройка» стало популярным в эпоху Великих реформ 1860-х годов. Использовалось оно и Петром Столыпиным. Здесь едва ли имеет смысл вдаваться в тонкости истории прихода к власти Михаила Горбачева, но многочисленные свидетельства говорят о том, что его появление на исторической арене в апреле 1985-го было абсолютно логичным и ожидаемым – перемен (правда, нечетко артикулированных) ждали и хотели почти все, включая часть партийной номенклатуры.

Характерно, что одним из результатов перестройки стала институционализация выборов как инструмента демократии. Тем самым были созданы способы легитимного формирования власти и ее смены. Это были и революция в процедурах, и дополнительная, на новой основе, легитимизация власти самого лидера перестройки, и – самое главное – со-

здание новой ценности. Причем, по крайней мере в то время, ценности разделяемой и одинаково значимой для всех: и для перестроечной элиты, и для народа, который впервые в российской и советской истории мог почувствовать себя конституционным источником власти. (Ровно поэтому, заметим попутно, действия ГКЧП оказались нелегитимными, в том числе в глазах тех самых народных масс.)

В известном смысле, хотя это не всегда осознавалось даже адептами перестройки, состоялось принятие западных ценностей демократии, правового государства и ответственной (подотчетной) власти. Политика «нового мышления», собственно, и основывалась на идее большей открытости миру, и прежде всего миру западному.

Подобного рода конвергенция ценностей позволила Фрэнсису Фукуяме в 1989 году сделать вывод о «конце истории». Реальность и последующее течение событий оказались сложнее, но Фукуяма был абсолютно прав в том смысле, что процесс, начатый Горбачевым, по большому счету должен был привести к историческому ценностному единству Запада и России. От принятия этих ценностей должны были выиграть все: государство становилось более гуманным, общество – более раскрепощенным и инициативным.

Архитекторы перестройки воспринимали ее именно как революцию. Отчасти это было данью позитивному значению слова в связи с переосмыслением наследия Великой Октябрьской. В то же время характер и глубина преобразова-

ний действительно «дотягивали» до революции. Характерно, что доклад Горбачева к очередному юбилею революции в 1987 году назывался «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

И, кстати говоря, революция ценностей, начатая Горбачевым, давно закончилась для всего мира, включая страны Восточной Европы, воссоединившиеся с Западом (в этом смысле перестройка – «мировая революция»). Она не закончилась только в России и в некоторых странах бывшего СССР.

Перестройка была еще и революцией ожиданий. Причем ожиданий во многом оправдавшихся – именно поэтому демократические ценности были восприняты в конце 1980-х вполне адекватно на массовом уровне. Надо признать, что эта ситуация завышенных ожиданий, «горбимания», ко многому обязывала. Анатолий Черняев, впоследствии помощник Горбачева, записал в те первые дни нахождения Михаила Сергеевича у власти в своем дневнике: «...от Горбачева многого ждут, как начали было ждать от Андропова... А ведь нужна „революция сверху“. Не меньше. Иначе ничего не получится. Понимает ли это Михаил Сергеевич?»

С народом у Горбачева получилась любовная химия, но именно поэтому от него ждали белой магии: чтобы все было по-прежнему, чтобы можно было гонять целыми днями чай, но при этом прилавки ломились от товаров и, вообще, чтобы жизнь стала хотя бы как в ГДР или Венгрии, а еще лучше – как в Западной Европе. Оказалось, что так не бывает – на-

до было много работать и адаптироваться к новым обстоятельствам. Горбачеву этого многие простить не могут до сих пор. Как не простили Борису Ельцину обещанного изобилия и стабильности к концу 1992-го. Как не простили Егору Гайдару того, что он взял ответственность за непопулярные решения на себя.

Архитекторы перестройки действительно понимали ее как революцию. Только они думали, что она окажется социалистической, соединяющей Ленина и демократию с рынком. Такого исторического оксюморона, соединения несоединимого, не получилось. Но разделяемые ценности остались. И потом были зафиксированы в ряде разделов Конституции России 1993 года. А сегодня речь идет о тотальном пересмотре наследия перестройки и реформ.

Исторически российский вариант радикальных либеральных реформ был предопределен тем, что советские власти опоздали с принятием ряда неизбежных мер вроде либерализации цен. Реформы в экономике, включая приватизацию, шли параллельно со строительством институциональных основ российского государства. Сам этот процесс был кем-то назван в то время «изготовлением из яичницы яйца» (или «из аквариума рыбы») – в том смысле, что речь шла о переходе из ненормального состояния социума и государства в нормальное. Во всяком случае, такая цель ставилась.

Цена преобразований была велика и усугублялась психологической общественной травмой, связанной с развалом СССР. Тем не менее и выбранная модель – «шоковая терапия» (хотя Гайдар совершенно не считал возможным именно так определять либерализационные меры) примерно по польскому образцу с той разницей, что в Польше цены отпустило последнее коммунистическое правительство, и политические компромиссы, и успехи и провалы реформирования исторически оказались неизбежными. Возможно, не безальтернативными. Но любое реформаторски ориентированное правительство делало бы примерно то же самое. Или вынуждено было делать, как это произошло в случае с кабинетом Виктора Черномырдина, фактически продолжившего политику гайдаровской команды.

Идейная подготовка реформ шла внутри сообществ молодых экономистов из Ленинграда (группа Анатолия Чубайса) и Москвы (группа Егора Гайдара), которые потом образовали так называемую «московско-ленинградскую экономическую школу». И та и другая группы были до известной степени связаны со слабо, но все-таки артикулированным заказом политических инстанций на реформы, что лишь способствовало более активному осмыслению их содержания. Серия инициативных семинаров, самым известным из которых стала конференция в августе – сентябре 1986 года в «Змеиной горке» под Ленинградом, позволила сформулировать повестку реформ и определить кадровое ядро команды бу-

дущих реформаторов.

По словам одного из идеологов либеральных реформ Сергея Васильева, сообщество реформаторов сразу ощутило «дополнительные бонусы работы в команде: интенсивные обсуждения и расширение круга чтения позволили нам быстро выйти на новый уровень понимания экономической реальности».

Когда-то Александр I заметил в ходе дискуссии с приближенными о необходимости преобразований: «Некем взять!» По этому поводу Натан Эйдельман в своей последней книге «Революция сверху в России» (1989) писал: «„Некем взять“ – формула примечательнейшая! Петр, как мы видели, нашел „кем взять“: создал параллельный аппарат, перенес столицу, понял и почувствовал, что нужно реформы начать, а люди сами найдутся». Эйдельман продолжал, имея в виду реформы Александра II, да и вообще все преобразования сверху: «...коренные перемены, начинающиеся после застоя и упадка, довольно быстро „находят реформаторов“... Люди находятся буквально за несколько лет – из молодежи, части „стариков“ и даже сановников, „оборотней“, еще вчера служивших другой системе».

Так и произошло при Ельцине.

Собственно реализация реформ наталкивалась на множество политических компромиссов, одним из которых (компромисс с трудовыми коллективами и директорами предприятий) стала ваучерная, а не денежная приватизация.

Рыночная трансформация шла при отчаянном сопротивлении мощнейших лобби – топливно-энергетического, аграрно-промышленного и военно-промышленного, а также серьезных политических сил, сконцентрировавшихся в тогдашнем российском парламенте. Одним из кульминационных эпизодов этой борьбы стало противостояние Верховного Совета и Бориса Ельцина в октябре 1993 года, закончившееся расстрелом Белого дома, тогдашней резиденции парламентариев.

Социальные издержки реформ стоили реформаторам популярности, сами реформы по объективным и субъективным аппаратным и политическим причинам не всегда доводились до конца. Бюджетная недостаточность, «прелести» дикого капитализма с попытками урегулирования прав собственности не всегда законными способами, поиск политической поддержки и фоном идущая война в Чечне подтолкнули правительство к сотрудничеству с сформировавшимся классом крупных собственников. В результате в середине 1990-х, а в более ярко выраженной форме – после президентских выборов 1996 года уния власти и капитала образовала конструкцию, которую принято называть «олигархическим капитализмом».

Такая логика развития событий была во многом объективной. Архитектор польских реформ Лешек Бальцерович задавался вопросом, касавшимся президентских выборов 1996 года и отчаянных попыток сохранить Бориса Ельцина

во власти: «Но каким мог быть альтернативный сценарий? Победа коммунистов в случае, если бы партия реформ дистанцировалась от Ельцина, и развитие России по „лукашенковскому“ пути? Эту опасность тоже не следует сбрасывать со счетов, и ее, конечно, учитывали и российские реформаторы. В Чехии, Польше и других странах Центральной Европы реформаторы не стояли перед столь драматичным выбором».

Реформы в строгом смысле слова были реализованы лишь частично. На начальном этапе действия реформаторов напоминали алармистские попытки дефибрилляции разрушенного хозяйственного механизма бывшей империи. Реализованы в той или иной степени были такие меры, как либерализация экономики, приватизация и финансовая стабилизация (венцом которой стал уровень годовой инфляции, снизившийся в 1997 году до 11 %).

Однако политического ресурса и социальной поддержки не хватило на структурные реформы, которые были сформулированы в 1997 году, но не реализованы до сих пор. Все они перечислены как ключевые преобразования, своего рода пропуск в постиндустриальный мир в работе Егора Гайдара «Долгое время»: снижение государственной нагрузки на экономику, реформа систем социальной защиты, в том числе пенсионная реформа, реформы образования и здравоохранения, реформа армии.

Отвечая в 2008 году на мой вопрос, не проиграли ли ре-

форматоры страну, Анатолий Чубайс ответил: «Многое из того, что мы требовали двадцать лет назад, – рынок, частная собственность, открытые границы, – не просто реализовано, но принято всем обществом как естественное состояние». Тем не менее из трансформационного кризиса и реформ Россия вышла не в «консолидированную», то есть сложившуюся и долгосрочную демократию, а в «управляемую демократию», которая затем трансформировалась в одну из форм «гибридного авторитаризма» (с имитационными демократическими институтами, подавленными политическими свободами и отсутствующими стимулами к развитию и репрессиями), а затем и в полновесный авторитаризм.

Экономический кризис 1998 года по-своему подвел черту под эпохой либеральных реформ и политической трансформации России. Но не снял с повестки дня проблему незавершенности необходимых для нормального развития преобразований. Притом надо признать: базовая реформаторская задача – строительство в России рыночной экономики – была решена.

Проект «Клуба 2015» «Сценарии для России» возник как раз вскоре после кризиса 1998 года. Работу организовали вполне успешные бизнесмены Сергей Воробьев и Владимир Преображенский. Предприниматели и эксперты собрались вместе для того, чтобы не просто прагматически предсказать будущее во избежание рисков для бизнеса, но и управлять

будущим во избежание рисков для страны. То есть сломать матрицу «реформы – контрреформы» и попытаться встретить будущее во всеоружии. Новый предпринимательский (не олигархический) класс в лице равнодушных и рефлексующих своих представителей был готов разделить ответственность за страну с политическим классом.

Симптоматично, что, когда Герман Греф, будущий министр экономического развития, был рекрутирован в 1999-м в Москву для подготовки стратегической повестки президента России Владимира Путина, он встречался с членами сценарной группы. Возможно, потому, что никто больше в таком ключе в то время не думал о будущем России.

Заслуга «Клуба 2015» состояла еще и в том, что он внес свой вклад в методологию сценарного прогнозирования, создав модель «Сделай сам», – из прогностических кубиков (предпосылок того или иного варианта развития событий и его следствий) можно было составить любой сценарий.

Кроме того, это было первое сообщество, которое нарисовало образ желаемого будущего и заговорило о таких вроде бы непрагматических понятиях, как ценности, радиус доверия, социальный контракт.

В предисловии к итоговым сценариям, которые были обобщены в 1999 году, сказано: «Твои сегодняшние действия должны определяться будущим, точнее, тем будущим, на которое ты согласен».

Едва ли представители сценарных групп были согласны на пессимистический сценарий, который назывался «Отравленные грабли». Но будущее не возникает ниоткуда – значит, многие работали на то, чтобы страна пришла ровно к тому результату, который предсказывался в этой сценарной версии.

Сценарий оказался пугающе точным, но не потому, что члены «Клуба 2015» и их коллеги по мозговым штурмам, которые проходили осенью 1998-го на подмосковной спортивной базе в Новогорске, обладали феерическими футурологическими способностями. А потому, что, как было сказано в пессимистическом варианте сценария, «это всего лишь продление действующих тенденций». Важно, что этот сценарий учитывал не только узкоэкономические факторы, но и политические и социальные (то, что напрочь отсутствует в сценариях, которые рисуют авторы из финансово-экономических структур – им, впрочем, в прогнозировании и нельзя заходить за политические флажки).

Страна и правда славно поработала на продление авторитарных трендов, зародившихся еще тогда. Получается, что дело не только и не столько в демоническом Путине (хотя возникновение такой фигуры было предсказано сценаристами), – когда писались сценарии, он только приходил к власти, а вопрос «Who is mister Putin?» еще даже не был задан. Ответственность за происходящее со страной – коллективная: ее несут и политическая элита, и предпринимательская,

и население.

Россия привыкла к «развитию» по инерционным сценариям – ни туда ни сюда. Но выяснилось, что движение по инерции, по сценарию «Сказка о потерянном времени» – без воли, без энергии, с компромиссами и готовностью согласиться на социальный контракт «колбаса (а затем Крым, Донбасс, Сирия, Украина) в обмен на отказ от свобод» – ведет к новому кризису. Пессимистический сценарий прямо вытекает из инерционного. На выходе нет ни свободы, ни колбасы.

А вот в оптимистическом сценарии «Ренессанс, или Трава из-под асфальта» часть россиян могла узнать самих себя – образца 2011–2012 годов, времени общественного подъема (по крайней мере, в городском среднем классе) и спроса на демократию участия. Значит, это была не утопия, а одно из возможных направлений движения. Появился предсказанный в оптимистическом сценарии «электорат экономической свободы», предъявивший спрос еще и на политическую свободу. Но широкая публика будущей Болотной площади, названная в том давнем прогнозе «социально адекватным большинством», была отодвинута «путинским большинством», которое потом превратилось в «крымское»...

В 2000 году в подмосковных Ватутинках группа экономистов, уже совершенно не учитывая сценарную технологию «Клуба 2015», сочинила чисто экономический план действий, вошедший в историю как «программа Грефа». Об этой программе, как и о позитивных сценариях «Клу-

ба 2015», начиная с 2003 года (арест Михаила Ходорковского, поражение либеральных партий на парламентских выборах, сращивание новой политической элиты – выходцев из спецслужб – с финансово-промышленными элитами, возвращение государства в экономику с перераспределением собственности в пользу новых силовых элит) можно было смело забыть.

Началась реализация прогноза «Сказка о потерянном времени», согласно которому «страна окончательно потеряла историческую перспективу». А затем, обретя ее в виде полуострова Крым, провалилась в контрреформы. Как было написано в сценарии «Отравленные грабли»: «Поначалу начнется рост ВВП, может быть, даже по 4 % в год – государственная мобилизация умеет быть весьма эффективной. Но затем неизбежен долгий и мучительный спад. Весьма вероятно, что уже за „железным занавесом“, который будет возведен по обе стороны российской границы. Внутри – самой властью, снаружи – мировым сообществом».

Тем не менее «электорат свободы» никуда не делся – просто попал в жернова исторического цикла (по историку Александру Янову, «реформа – политическая стагнация – контрреформа»). Следующий цикл неизбежен. Слабо прогнозируема только его цена. Например, такая, как в «Отравленных граблях»: «Украину, страны Балтии и некоторые государства Средней Азии спешно принимают в НАТО. В Черном и Каспийском морях проводятся учения войск альянса.

Долги за поставленные энергоносители, на возврате которых все жестче настаивает Россия, компенсируются инвестициями Евросоюза и США, которые направляются в бывшие советские государства. На южных и западных рубежах Запад создает подушку безопасности».

Кстати, Крым «Клубом 2015» не был предсказан, хотя и был один жутковатый подсценарий. Назывался он «Мегасербия».

Для понимания природы современных российских реформ важно обратить внимание на три последние попытки: модернизацию в бытность Дмитрия Медведева президентом, подготовку программы для нового старого президента Владимира Путина в 2011–2012 годах и работу Алексея Кудрина на базе Центра стратегических разработок (ЦСР) над программой модернизации в 2016–2017 годах.

Над реформаторско-модернизационной повесткой периода правления Дмитрия Медведева (2008–2012) работал специально созданный для этого Институт современного развития (ИНСОР) под руководством Игоря Юргенса.

Одним из продуктов ИНСОРа стал документ, который, возможно, впервые за все постсоветское время пытался задать ориентиры будущего, найти в нем «якоря», артикулировать целеполагание. Доклад «Россия XXI века: образ желаемого завтра» был обнародован в начале 2010 года. В нем, в частности, констатировалось: «Мы двигались вперед, не

определившись с тем, куда идем и каков он, „образ желаемого будущего“. Теперь общество, его лидеры должны сделать выбор: какими мы видим себя, свою страну, свое государство в будущем».

Контуры политико-экономических, социальных и ментальных изменений, начавшихся в 2012 году, то есть с первых же месяцев президентства Владимира Путина, были предсказаны и описаны довольно точно: «Перед нами снова угроза оказаться беспомощными свидетелями деградации великой державы. Россия не может себе позволить еще один период безвременья... Россия попала в историческую ловушку. Ей нужно совершить еще один модернизационный рывок, но сделать это предстоит в условиях, в которых слишком многое располагает к инерции и загниванию – начиная с конъюнктуры на сырьевых рынках и заканчивая настроениями в политике и уверенностью власти в своей способности управлять массовым сознанием».

Модернизационного рывка не получилось, сегодняшние события обнаружили правоту авторов доклада: «Точку невозврата страна проходит уже сейчас».

Дизайн модернизационной повестки был обрисован названиями главок: «Ценности и принципы: от ресурсной морали к этике свободы», «Политическое будущее страны: назад к Конституции», «Система управления: к дебюрократизации экономики через деэкономизацию бюрократии». Подчеркивалась и важность инновационного прорыва, но не как

модернизационного фетиша, а как части общей программы, в которой реформация ценностей играла бы принципиальную роль.

Самый последний доклад ИНСОРа не был заказан высшей властью – Дмитрий Медведев терял интерес к модернизации и уже, очевидно, знал, что не пойдет на второй президентский срок: когда писался этот документ, до рокировки оставалось девять месяцев. Доклад назывался «Обретение будущего. Стратегия 2012» и был тем, что в спорте называется «фолом последней надежды» – своего рода политическим завещанием короткой эпохи медведевской модернизации, предложением власти задуматься над рисками отказа от модернизационных усилий.

Характерны в этом смысле месседжи, которые были «защиты» в названиях глав доклада: «Модернизация как проект национального спасения», «Гуманитарная составляющая модернизации как переоценка ценностей», «Политические институты. Перезапуск демократии: вперед, к Конституции», «К новой экономической модели. Частный бизнес и собственность: главные действующие лица», «Дебюрократизация экономики через деэкономизацию бюрократии» (снова!), «Социальная политика: от борьбы с бедностью к росту среднего класса», «Российский народ: обретение себя», «Региональная политика: к выравниванию развития регионов и городов через конкуренцию и диффузию инноваций», «Устойчивое развитие. Стратегия „двойного выигрыша“».

ша“: от инноваций – к экологии, от экологии – к инновациям», «Оборона и безопасность: армия, полиция, спецслужбы – переход на сторону народа», «Внешняя политика: Россия в кольце друзей».

Авторы доклада призывали президента-2012 к тому, чтобы он использовал свой мандат на продолжение политики модернизации: «Будущий президент должен предложить обществу новый социальный контракт. Его главное условие: максимальное невмешательство власти в дела народа и свободное вмешательство народа в дела власти».

Власть, озабоченная будущим, вполне могла бы согласиться с этим условием, в рамках которого развитие России оказалось бы по крайней мере нормальным, без срывов в политическую, ментальную, экономическую архаику. Но отказ от модернизации, осуществленный адресатом доклада «Обретение будущего» (адресат предпочел прошлое, в котором начал искать дополнительную легитимацию собственному правлению), стал сознательным и четко артикулированным политическим решением. Выходит, правы были авторы доклада ИНСОРа, когда писали: «...выбор (для России. – А. К.) даже не между направлениями движения, а между будущим страны и его отсутствием... Мы попадаем в „другую историю“: отставание становится необратимым... У нынешней инерционной траектории будущего нет – ни „светлого“, ни хотя бы приемлемого».

«Стратегия-2020», подготовленная для Путина-2012, и

ЦСРовский документ «Стратегия развития страны 2018–2024», подготовленный для Путина-2018, содержали набор разумных и достаточно мягких модернизационных мер. Один из разделов «программы Кудрина» назывался «Государство для граждан». Но государство скорее готово было существовать за счет граждан. Программы уже были не нужны: политическая власть отказалась от модели модернизации – даже авторитарной. Сюжет рубежа конца 1960-х годов повторялся почти буквально.

Остается только дожидаться окончания следующего порочного круга истории и появления нового Горбачева, а потом Ельцина. Персонажи такого исторического типа пока не просматриваются. Как и нет нового Гайдара, возможного архитектора реформ.

А вот к жизни и судьбе именно Егора Тимуровича Гайдара имеет смысл присмотреться внимательнее, поскольку история российских реформ 1990-х, которые легли в основу не только рыночной экономики, но и политической демократии *a la Russe*, совпадает с биографией и идейной эволюцией главного российского реформатора.

Условные пять пятилеток его интеллектуальной и политической карьеры совпали с этапами осмысления, реализации и затухания реформ в России.

Мир, который создан Гайдаром

Архив Егора Гайдара – это бумаги, в которых нет ничего личного. Все только по делу, как вроде бы и положено человеку, обращенному вовне, занятому публичной активностью. Но эта публичность была вынужденной. Он был человеком прежде всего внутренним – сосредоточенным на своей работе, своих мыслях, чтении и письме.

Очень интеллигентный, чрезвычайно деликатный и обходительный в общении, совершавший все эти движения как будто автоматически, в силу привычки быть доброжелательным. Отчего иногда возникало впечатление, что «всяк входящий» ему лишь мешает. Мешает сосредоточенному одиночеству. И процессу мышления.

Доходило до смешного. Яков Уринсон вспоминал, как они в очередной раз с Егором и его сыном Петей рыбачили. У Гайдара явным образом клевало. Но он сидел с отсутствующим видом. Петр вытащил за него удочку. А Егор произнес: «Я вот все думаю, какие реформы можно сейчас провести на Кубе». Дело было как раз тогда, когда на Острове свободы сыпался режим Кастро. А Куба все еще оставалась для Гайдара «родной».

...Мама Егора смотрит на его портрет на стене в квартире в подмосковном поселке Красновидово. На фотографии ему уже далеко за 40, но нет этого обреченного старения,

которое началось после рокового отравления в 2006-м. Егор погружен в себя. Он думает. Ариадна Павловна переводит взгляд в окно – там осенний лес стал уже цветным, но еще не превратился в прозрачный. Она вспоминает, как отсюда, из этой квартиры, он уезжал на рейсовом автобусе в Москву в день путча августа 1991 года...

Его старомодная воспитанность, очень скромные, неброские серые костюмы и галстуки казались данью внешнему миру и одновременно броней: проходите, можете меня не замечать, если что-то интересно, я прокомментирую, вы точно прислушаетесь к этим словам, но – отпустите меня к письменному столу, к моим бумагам, мыслям и книгам.

Ход во «внутреннего Гайдара» был доступен немногим. Даже очень близкие сотрудники знали его внешнего. И любили внешнего. Он умел держать дистанцию и сотрудников подбирал, способных понимать, как быть близким и понимающим работником, но сохранять эту дистанцию. Он мог представиться при первом знакомстве с помощником или секретарем: «Егор». Только они все равно его всегда будут звать «Егор Тимурович».

В этой книге я немного нарушу это правило дистанции: буду звать нашего персонажа так, как звали его друзья, – Егор.

Вежливое равнодушие к людям? А что, он должен был быть равнодушен ко всем? Да, важны были люди, которых он сам считал важными. Для выполнения своей миссии. Те,

кто прошел с ним дни поражений и побед. Те, с которыми работал и считал их функциональными в сугубо «офисном» смысле, которым он мог делегировать не очень интересные самому занятия – например, управленческую текучку в созданном им Институте. И те, которые были отрадой – для себя.

Например, две совершенно разные женщины – Екатерина Гениева и Валерия Новодворская. В них он ценил острый неженский (или, наоборот, очень женский) ум и утонченную образованность. В Гениевой – жесткость и четкость. В Новодворской – абсолютную неформальность и бесшабашность, которую не мог позволить самому себе. И еще смелость, сопоставимую с его собственной. Сам звонил им время от времени, предлагал встретиться – просто поговорить, посидеть в ресторане. Правда, с деловой Екатериной Юрьевой это всегда оборачивалось какими-нибудь проектами – она не могла не вовлечь Егора в какое-нибудь полезное начинание. А с Лерой, неистойой и пламенной, так же, как и он, способной по памяти воспроизводить любую литературную цитату (если она переводила ее на бумагу своим четким, с нажимом, почерком – то со всеми запятыми и тире, как в оригинале), просто отдыхал и отводил душу.

«Но быть живым, живым и только, живым и только до конца». Он действительно честно сделал то, что должен был сделать, как сказал об этом в интервью Владимиру Познеру

незадолго до смерти. Да, Егор Тимурович продолжал работать, и работал очень активно, но было ощущение – и об этом говорили и совсем близко его знавшие, например Анатолий Чубайс, и те, с кем он часто встречался и разговаривал, но внутри себя не пускал, например Михаил Дмитриев, и даже мама Ариадна Павловна, и дочь Маша, – что он не держался за жизнь. Не то чтобы хотел приблизить смерть, нет. Просто возникло ощущение, что он сделал все, что мог, миссия исполнена, страна реформирована, главные книги написаны, переубедить ту часть сограждан, которая нашла в Гайдаре источник всех своих несчастий, невозможно, повлиять на авторитарные тенденции в российской власти нет сил и инструментов. А многое просто стало неинтересно. Точка.

Мы все живем в мире, который был создан Егором Гайдара за несколько недель 1992 года – в том смысле, что его реформы создали рыночную среду. Мир прогнулся под него, говоря словами песни «Машины времени». Но потом перестал прогибаться. Сопротивление материала оказалось сильнее Гайдара: и рынок, и политическая демократия уступили место государственной экспансии и авторитарным методам правления. Хотя рынок остался, и благодаря ему россияне по крайней мере не голодают.

Ему было отнюдь не безразлично, что о нем говорят и думают. Он казался непроницаемым, когда продолжали сыпаться обвинения в самом страшном – разорении страны и

бесвременных смертях соотечественников, его ответы на вопросы и претензии становились все лаконичнее, он словно устал объяснять одно и то же. Но в голосе чувствовались обида и чрезвычайное волнение.

Сердце колотилось, руки тряслись от невозможности быть понятым, в глазах стояла боль. То, что пропускал мимо ушей когда-то, потому что был страшно занят, что вызывало внешне эмоциональную реакцию и страстное желание все-все объяснить, теперь просто самым безнадежным образом ранило, откладывалось в душе и отравляло организм. Так происходило и в том самом интервью с Познером – на Гайдара было страшно смотреть, когда с экрана сыпались «народные» вопросы и претензии. Это убивало, убивало, убивало его годами, каждый день, каждую минуту – притом, что он понимал неизбежность этой нелюбви даже еще тогда, когда не был вице-премьером по экономике. Рассуждал о том, какой шквал ненависти обрушится на «того, кто» решится на проведение реальных реформ.

Гайдар, допустим, 2003 года и Гайдар 2007-го несравнимы. В конце жизни походка его стала очень тяжелой, как будто он нес на руках и ногах гири и словно в них был этот груз обвинений и непонимания того, что произошло со страной и что он сделал для страны. Ему не нужно было подводить итог в свои 53 года. Он его уже давно подвел, тем не менее продолжал жить и работать, но и говорил и писал как-то по

инерции. И, казалось, был готов к худшему.

Готовность умереть, причем в буквальном смысле – это 1991–1992 годы, эпоха правительства камикадзе, но это не только экономика. Он принимал за растерявшихся военных и местных лидеров решения во время осетино-ингушского конфликта, «занимал сторону», как он сам говорил, во время войны в Таджикистане; затем – эпизод гражданской войны в 1993-м, наверное, самая опасная точка в жизни, когда его призыв к москвичам прийти к мэрии защищать демократию разбудил тянувшую время армию и вынудил ее «занять сторону»; потом командировки в Сербию, Ирак. Ощущение серьезности ядерной войны – и попытки ее предотвратить с использованием своего авторитета, последняя миссия человека, в детстве пережившего Карибский кризис в его эпицентре, на Кубе.

Гайдар был человеком миссии, осознаваемой им не как нечто возвышенное, а как дело и долг. Долг человека, который когда-то хотел быть военным, вырос в среде военной интеллигенции, вышел из семьи военных.

В чем секрет доверия Гайдара к чиновникам старой формации – типа Барчука, Анисимова, Геращенко? В том числе к тем, в ком он обманывался. И к тем, кто к нему самому очень хорошо и покровительственно относился – но только до тех пор, пока Егор не стал главным реформатором страны. Сам, по сути, выходец из советской номенклатуры, он знал

ее слишком хорошо – и потому ценил профессионалов старой школы, но о ком-то говорил как о переоцененных фигурах. У него не было предубеждений к людям из любой среды – лишь бы они были интересны или полезны. Он легко пересекал вдоль и поперек эти среды – от диссидентской и дауншифтинговой до партийно-правительственной. Для него между ними не было границ. Притом что Егор хорошо понимал риски и ограничения каждой среды.

Гайдар не любил СССР – видел его насквозь. И в то же самое время был советским человеком. Точнее, советским интеллигентом – редкая порода, ныне исчезнувшая. Не любил марксизм и его последствия. Но глубоко знал Маркса.

Говорят, он не хотел власти. С одной стороны, действительно, он воспринимал ее как долг интеллигента, который может сделать то, что должен сделать. С другой стороны, ощущение недоделанности задуманного провоцировало желание вернуться во власть. И после второго назначения в правительство в 1993-м он надеялся поправить испорченное и доделать недоделанное. Исправить и собственные ошибки – результаты вынужденных компромиссов 1992 года. Но очень быстро ушел, поняв, что довести до ума реформы так, как он их видит, уже невозможно. Тут уж или все, или ничего.

Максимум, что он мог теперь, – советовать, использовать свои связи и политический вес. Пытаться заниматься открытой политикой. Это было важно, потому что он видел, как

недостроенную им конструкцию новой экономики портят, перекашивают, в помещениях, где есть только стены, – интенсивно гадят или наводят уют в соответствии со своими вкусами – вот и уродский советский фикус внесли, и ковер с лебедями гвоздями прибили...

А потом, уже в зрелую путинскую эпоху, которая началась для него хорошо – казалось, пошла новая волна реформ, вдруг исчезло и это – возможность влиять на власть и изнутри, и снаружи – методами партийной политики. После 2003 года к его советам как консультанта прислушивались все меньше, а в публичной политической активности он уже почти не видел смысла.

Очень многое ему стало просто неинтересно. Вроде бы, если взять пример той же Кубы, он для себя думал о том, что там можно было бы сделать в ситуации, когда открылось окно для демократизации. Но совершенно не верил в возможность практических шагов и участия в них – свою порцию ненависти, как убийственную дозу радиации, он уже получил. Еще не хватало обрести славу либерального интервента! И когда коллега Гайдара Михаил Дмитриев пришел к нему с идеей заняться чем-то практическим на кубинском направлении, Егор просто равнодушно предложил попросить в приемной телефон одного толкового человека из МИДа, находившегося на связи с кубинскими верхами.

К концу жизни он много лет уже не участвовал – в прямом

смысле – в политике. Не был партийным лидером. Однако оказалось, что смерть Гайдара – удар, от которого либеральное и демократическое движение как политическая субстанция и как направление мысли так и не смогло оправиться.

Не хватает Гайдара как экономиста – а как на самом деле? Не хватает Гайдара-политика – а как себя вести? Не хватает Гайдара как морального авторитета – что делать? Пропала опора, и исчез эталонный метр.

Образовалась пустота. И каждый теперь может представлять на свой лад – а что делал бы Гайдар в той или иной ситуации, если бы остался жив.

Но иногда кажется, что такая ситуация и непредставима вовсе. Он словно бы послал месседж: а теперь, ребята, сами, своим умом, в соответствии со своей совестью и представлениями о добре и зле. И о границах возможных компромиссов с властью.

Костыля больше нет. Позвонить и спросить, как действовать, не у кого.

Биография Гайдара, как это ни покажется странным, напоминает историю выдающегося спортсмена – футболиста или хоккеиста. То есть человека из командного вида спорта. О нем и вспоминают, как вспоминали бы старшие и младшие игроки команды, видевшие в нем лидера. Или как тренеры, которые или восхищаются любимым учеником, или крайне недовольны течением его карьеры, или даже ненавидят его

самого за нарушение тренерской установки. Как и в спорте, у Гайдара и в «игровой», и в «тренерской» карьере были свои поражения и победы. И непростые отношения со «Спорткомитетом». Он, как большая фигура в спорте, оставил после себя множество книг, в том числе о теории и практике «игры». Главное – всегда была своя команда.

Ни об одном постсоветском государственном политическом деятеле не говорят, что у него была своя команда. Только у Гайдара она была. Пусть период ее существования был очень короткий. Когда Егор во второй раз пришел в правительство, команды у него не оказалось. И, поняв, что момент, когда он заново сможет ее сформировать, так и не наступит, он из правительства ушел. Не захотел играть без команды.

Спортсмены, надорвавшие здоровье на пике карьеры, иной раз умирают рано. Иногда не могут найти себя в обычной жизни. Великий футболист Эдуард Стрельцов, по свидетельству его друга, замечательного журналиста Александра Нилина, кутивший по две пачки в день и иной раз злоупотреблявший водкой, занимал себя тем, что обкладывался атласами и решал кроссворды.

Кстати, Стрельцов, как и Гайдар, умер в 53 года. Груз славы, тех самых поражений и побед, отчаянной любви, безудержной ненависти и безнадежного непонимания нести трудно.

Да, мы живем в мире, построенном Гайдаром. Со все-

ми его компромиссами. И со всем его непробиваемым реализмом – пониманием того, что всего и сразу добиться невозможно, хотя надо быть всегда готовым к использованию «окон возможностей», даже если они больше напоминают «форточки».

У заслуженно популярных ученых – экономиста Дарона Аджемоглу и политолога Джеймса Робинсона – есть книга, в чем-то напоминающая «Долгое время» Гайдара, в русском переводе она называется «Почему одни нации богатые, а другие бедные». Их ключевая идея состоит в том, что нации с экстрактивными институтами, то есть работающими на правящую элиту и предполагающими чрезмерное влияние государства на все процессы, могут достичь успеха, но очень короткого и за счет населения и извлечения ренты из национальных богатств в свою пользу. А это означает провал государства и многолетние проблемы. Инклюзивные же институты раскрепощают и вовлекают через механизмы демократии и рынка силы общества в развитие страны. И тогда экономический рост оказывается долговременным и устойчивым. Не за счет мускулатуры государства и его устрашающего «бодибилдинга». Так вот Егор Гайдар строил в стране инклюзивные институты. На их основе стал возможен рост, стала возможной – пусть и на исторически короткое время – реализация прав и свобод человека и гражданина, зафиксированных во второй главе российской Конституции 1993 года. Часть институтов позже была уничтожена, часть – пре-

вратилась в имитационные. Но пример и прецедент формирования, существования и работы инклюзивных институтов Гайдар создал.

На Новодевичьем кладбище стоит памятник Егору Гайдару в виде книги, чьи страницы перебирает ветер. Он был человек книжный, которого ветер истории выгнал из кабинета-библиотеки на улицу и в коридоры власти. Рядом – в основном генеральские могилы и надгробия 1950-х. В день рождения Егора сюда приходят разные люди – соратники, управляющий совет Фонда его имени в полном составе. Что греха таить: каждый со своей фляжкой. Приходят самые обычные граждане России, которую Егор Тимурович строил, – представители союза защитников Белого дома в 1991 году «Живое кольцо». Совсем не молодые люди, для которых Гайдар – символ демократической революции, их ценностей и ожиданий.

Есть и мемориальная табличка на здании Института в Газетном переулке. Бюст – в Высшей школе экономики, установленный уже через год после смерти. В назидание студентам. И в память о человеке, который дал Вышке, первому вузу в стране нового типа, в буквальном смысле путевку в жизнь, подписав в 1992 году бумаги о ее создании.

Но не менее важный памятник, а может, самый важный – в атриуме Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы. Он поставлен благодаря подруге Егора

– Екатерине Юрьевне Гениевой, директору библиотеки, наследнице Маргариты Рудомино, которая превратила «Иностранку» в культовое место. Гениева проработала здесь 43 года, из них почти четверть века директором.

Атриум – особое место, здесь собраны памятники важным для Екатерины Юрьевны людям. Поскольку это территория библиотеки, разрешений на установку того или иного памятника испрашивать вроде бы не было нужды. «У меня во дворике, – говорила Гениева, – дети играют на коленях Джеймса Джойса». Но почти всякий раз установка памятников превращалась в демонстрацию в защиту либеральных ценностей с попутным сопротивлением их продвижению. Например, Екатерина Юрьевна устанавливала памятник Раулю Валленбергу, спасителю венгерских евреев, праведнику мира. Поскольку НКВД – МГБ – КГБ – ФСБ так и не дали возможности официально установить причину, место и время убийства шведского дипломата, выкраденного из Будапешта Смершем, Гениева оставила на памятнике только дату рождения Валленберга и тире – без даты смерти. Это вызвало претензии отдельных представителей власти. Но нужно было знать «Катюшу», как ее звали близкие, – это была абсолютно железная леди, хотя и с каким-то беспомощным детским взглядом. Памятник так и остался без второй даты.

Настоящее чудо – установка памятника Иоанну Павлу II по инициативе режиссера Григория Амнуэля. «Мне помогло

простое правило: „не спрашивай – не услышишь „нет“», – говорила Екатерина Юрьевна, поскромничав. Сопротивление было чудовищное – включая прямые указания высоких чиновников отменить открытие памятника. Информация ушла в польские медиа. Тогда, в 2011 году, это еще имело значение. Памятник был открыт – единственный в России. С Каролом Войтылой Гениева не просто встречалась – он, зная миротворческую силу книг и ценивший библиотеку как институт диалога, дважды приглашал ее на ужин в Ватикан.

В 2016-м, через несколько месяцев после кончины Екатерины Юрьевны, и ей был установлен памятник – в том же атриуме, при входе в библиотеку. Так она и встречает читателей в хорошей, вполне «диссидентской», не нравящейся власти компании – вместе с отцом Александром Менем, чьей духовной дочерью она была, Иоанном Павлом II, Раулем Валленбергом, академиком Дмитрием Лихачевым, Юрием Лотманом, Джеймсом Джойсом. И Егором Гайдаром.

Прочитанные и написанные Гайдаром книги – такая же часть биографии, как и политические события и личная жизнь. Логично, что он был членом попечительского совета самой передовой библиотеки страны – «Иностранки» времен Екатерины Гениевой, которая говорила: «Мы состоим из прочитанных нами книг». Овальная зал «Иностранки» – в отдельном флигеле, со скрипящими половицами, книжными шкафами с антикварными немецкими книгами по перимет-

ру – был любимым местом Гайдара, тут он был дома. Здесь он презентовал свои последние работы.

В какой-то момент, в самом конце 1990-х, сформировался своего рода квартет: Ирина Иловайская, главный редактор парижской «Русской мысли», католический, точнее, экуменический журналист и подруга Иоанна Павла II, Екатерина Гениева, друг Гайдара журналист Виктор Ярошенко, сам Егор. Ярошенко познакомил Иловайскую с Гайдаром, Гайдар и Иловайская настаивали на том, чтобы Ярошенко познакомился с Гениевой. Из этого интеллектуального бульона возникла большая дружба и восстановленный в 2000 году знаменитый журнал Николая Карамзина «Вестник Европы». Однажды, после тяжелой операции Виктор Афанасьевич дал себе зарок: выживу – займусь журналом. Гайдар идею поддержал – вместо партийного демократического журнала «Открытая политика», сугубо политического, выпускавшегося на злобу дня, был затеян настоящий толстый журнал. «Если раньше ты делал издание – штурмовик ближнего боя, то теперь настало время космической станции», – говорил Егор с энтузиазмом.

Учредителями журнала – и это тоже было необычно – стали три физических лица: Ярошенко, Гениева, Гайдар.

Ранним утром 9 сентября 1990 года варварски и трусливо, ударом топора, был убит отец Александр Мень, символ отечественного православия не с официальным или национа-

листическим, а с человеческим лицом.

Истекая кровью, отец Александр искал в траве свой портфель и на вопрос прохожего, кто его так покалечил, ответил: «Никто, я сам».

В этом ответе заключена правда. Александр Мень привлекал к себе чрезмерное внимание – в одинаковой мере и любовь, и ненависть. Градус этой ненависти был таков, что священнослужитель-экуменист действительно имел право сказать, что это он сам навел на себя топор фанатиков-фундаменталистов.

Вспоминая об этом важном для нее эпизоде – портрет отца Александра всегда стоял в кабинете Гениевой в библиотеке, – Екатерина Юрьевна задумчиво спросила саму себя: «Не так ли Гайдар?»

«Кто вас так?» – «Я сам».

Гениева все время сравнивала Гайдара и Меня. Истории Егора и отца Александра – разные. Но у них есть общий знаменатель – цена поступка. Чрезмерно высокая цена.

Гайдар, во всяком случае пока, не понят. С одной стороны, его эпоха новым поколениям кажется далеким прошлым, а жизнь в обстоятельствах рыночной экономики им представляется нормой. Большинство или не в курсе, что это достижение реформ Гайдара, или не связывают окружающую их действительность с тем, что сделал Егор в 1992 году. Есть и такие, кому в принципе имя Егора Гайдара незнакомо.

С другой стороны, те, кто помнят обстоятельства времени и свои ощущения, не простили Гайдару того, что он сделал. А в вину иной раз ставят то, чего он не делал.

В 2015 году «Левада-центр» исследовал отношение респондентов к гайдаровским преобразованиям. К тому времени сильно упали показатели негативного отношения к реформам. Но, во-первых, за счет того, что выросло поколение, которое не знает, как к ним относиться, – затруднились с ответом 31 % респондентов. И, во-вторых, доля плохо относящихся («скорее отрицательно» и «резко отрицательно») составляла впечатляющие 58 %. Совсем обескураживающий результат – в зоне позитивных оценок. Целиком положительно к реформам Гайдара относился 1 % опрошенных, скорее положительно – 10 %. Более подробные исследования проводились до 2012 года, они показывали схожие результаты и динамику. Основные претензии – реформы были разрушительными, не учитывали интересы простых людей, реформаторы сами не знали, что делали, двигались без программы и вообще проводили их в собственных интересах.

В 2019 году похожий опрос провел «ВЦИОМ-Спутник». 1 % респондентов сообщил, что реформы оказали положительное влияние на экономику. Правда, 32 % опрошенных оговорились, что Гайдар и его команда «действовали в правильном направлении», но не смогли достичь поставленных целей. Реформы были необходимы, хотя и болезненны – 15 %.

Каждую из этих претензий можно разобрать до последнего болта. В личной и «общественной» биографии Гайдара, в его интеллектуальном наследии есть ответы на все вопросы. Если, конечно, хотеть получить ответы.

Каково это – всю жизнь нести на себе и в себе бремя чужой вины. Отвечать за чужие долги, нерешительность, просчеты, растраты, за храм, «разрушенный до нас».

Когда правительству Гайдара сравнялся месяц или два, его обвинили в падении рождаемости. Рациональный тезис, в соответствии с которым невозможно добиться столь заметного результата спустя один-два месяца, а не хотя бы девять, как задумано природой, ни на кого особого впечатления не производил.

Все последующие годы с разных трибун, в том числе самых высоких, твердили – в 1990-х был спад рождаемости из-за реформ. Демограф Анатолий Вишневский говорил, объясняя особенности половозрастной пирамиды, сформированные гигантскими человеческими потерями Великой Отечественной: «Возьмем, скажем, появление естественной убыли населения в начале 90-х. Его часто объясняют шоком от реформ Гайдара, вредоносным действием „лихих 90-х“ и т. п. Но это совершенно неверное объяснение... К началу 90-х 60-летнего возраста стали достигать невоевавшие поколения, появившиеся на свет в 1927-м и в последующие годы, когда рождаемость в России была еще высокой, они были бо-

лее многочисленными, соответственно было большим и число смертей – умирают все же в основном пожилые люди. А на числе рождений сказалось второе эхо войны: низкое число рождений в военные годы первый раз напомнило о себе малым числом потенциальных матерей через четверть века, в конце 1960-х, а второй раз – еще через четверть века, в начале 90-х». Это всего лишь один пример.

Все это не так уж сложно понять. Если стремиться понять.

Для этого и написана эта интеллектуальная и политическая биография российских либеральных реформ, совпавшая с интеллектуальной и политической биографией Гайдара. Хотелось объяснить логику реформ, поступки Гайдара, его жизнь. Хотелось, чтобы и реформы, и Гайдар были поняты.

Первая пятилетка, 1980–1985

Библиотечные дни

Банкет в связи с успешной защитой 24-летним ученым кандидатской диссертации завершился в два часа ночи. Научный руководитель Егора Гайдара Виталий Исаевич Кошкин позвонил домой своему подопечному в девять утра. Трубку взяла Ариадна Павловна. Она сообщила, что ее сын уже уехал работать в библиотеку.

«Вселенная – некоторые называют ее Библиотекой... Я утверждаю, что библиотека беспредельна». Библиотека – пусть и, по Хорхе Луису Борхесу, бесконечная – была тем местом, где Егор Гайдар не мог потеряться. Она была его убежищем, где он ориентировался совершенно свободно и откуда уходил весьма неохотно. Его увлекала бесконечность Библиотеки, но в то же время его мозг каталогизировал ее. Здесь – Античность, там – восточные цивилизации, тут – марксизм, в той стороне – теории современного экономического роста. Усматривая связи между разными и, казалось бы, далекими углами Библиотеки, можно было строить теории и делать выводы. Не на основе, точнее, не только на основе эмпирических данных и формул, но и на прочной почве самых разнообразных и неожиданных знаний о человеческой истории и человеческом поведении.

Так – на бесконечной Библиотеке – построен фундамент главной книги, *opus magnum*, которую Егор писал в голове много лет, пересказывал друзьям за стаканом виски, надиктовывал своим сотрудникам. Она и называется так, что бесконечность присутствует где-то рядом: «Долгое время».

Повествование Гайдара свободно скользит по Библиотеке, по гигантскому массиву информации из экономической, социальной, политической истории. Переплетаются и сопоставляются примеры из разных периодов истории и разных отраслей, подкрепленные теоретическими выводами из книг начала XX века и свежей научной литературы, ксероксы которой только что принесли из ИНИОНа. Мозг Гайдара – фабрика по производству пространственно-временных связей. Если связей слишком много, часть из них уходит в сноски – длинные, иногда занимающие больше половины страницы, но столь же занимательные, как и основной текст.

Свою личную среду обитания Гайдар тоже превращал в библиотеку. Летом 1985-го Сергей Васильев навестил Егора в его квартире в Строгино: «Семья была на даче, мы общались практически целый день, ходили купаться на пляж напротив Серебряного бора. Меня поразили кабинет Егора, по периметру застроенный книжными стеллажами – эта конструкция была повторена потом во всех его домах». В частности, в доме в Крылатском, куда переехала библиотека из квартиры на Мясницкой, фактически – библиотека, принадлежавшая (как и сама квартира номер 75 на Мясницкой, 21,

бывшая столовая Вхутемаса) мужу бабушки Лии Лазаревны Самсону Вольфовичу Глязеру, известному тренеру по фигурному катанию и автору шарад, книг для детей, популяризатору спорта. Его книга «Ларчик с играми» была издана в издательстве «Детская литература» в 1975-м тиражом 100 тысяч экземпляров и была невероятно популярна.

В этой же логике построен и кабинет Гайдара в Институте экономической политики – 7 тысяч единиц хранения (по свидетельству его помощника Елены Мозговой), книги и ксероксы из библиотек, в основном из ИНИОНа. Когда Егора уламывали сделать ремонт в институтском кабинете, он активно сопротивлялся, согласившись лишь на радикальную переделку книжных шкафов – книги и ксероксы не помещались на старых полках.

Такой же интерьер – в его кабинете на даче в Дунино. Хотя в принципе весь первый этаж дунинского убежища приспособлен для работы – здесь Гайдар раскладывал свои наброски, записи и ксероксы книг. Здесь он ходил из комнаты в комнату, размышляя. Писал, иногда стоя за классической конторкой.

Гайдар окружен книгами по периметру, это – его крепость.

«Книжное знание» – сколько презрения в этом словосочетании. Но некнижного знания не бывает – реальность переплавляется в книгу, и тогда появляется возможность ее изучать. Гайдар занимался анализом реальности, при-

чем еще студентом, специализируясь по кафедре экономики промышленности: он наблюдал за экспериментами в системе Минэлектротехпрома и изучал живьем работу предприятий. Трогал руками производство, из этого рождались статьи, книги – и знания. Для себя и для других.

Эти первые книги были по-социалистически сдержанными и по-научному сухими. Статьи второй половины 1980-х были прагматически-критическими – как само время. Книги 1990-х были первыми подступами к большим полотнам 2000-х, где было написано о главном – крахе империи и экономической истории, вторгающейся в сегодняшний день.

Гайдар был из одного из последних поколений экономистов, которые знали Маркса, включая прежде всего его «Капитал», едва ли не наизусть. «Капитал» – затертые тома студенческих лет, знаменитый бледно-серый трехтомник 1970–1974 годов издания, с самым зачитанным первым томом – стоял (и стоит) на полке в том самом рабочем кабинете Гайдара в Институте экономической политики в Газетном переулке. Газетный – очень подходящее название для структуры, созданной Гайдаром: он никогда не был чистым «академиком», его «академия» была близка публицистике и действию. В газеты и журналы он писал именно для того, чтобы сподвигнуть кого-то к *действию*. Записки и речи для верхних людей – чтобы они, руководители страны, *действовали*. В библиотеке Гайдара в Институте «Капитал» стоит рядом с «Анти-Дюрингом» Энгельса, несколькими работами Миха-

ила Туган-Барановского в дореволюционных изданиях и современной литературой о марксизме.

Собственно, с «Капитала» началась научная карьера Егора. Точнее, с задиристого спора о Марксе с преподавателем, который вел спецсеминар по проблемам хозрасчетной деятельности предприятий. Молодой доцент Виталий Кошкин увидел поднятую руку. Круглолицый юноша вежливо, но твердо заявил, что преподаватель неправильно трактует положение Маркса о соединении науки с производством. Кошкин предложил второкурснику Гайдару встретиться неделю спустя на том же семинаре и сверить точность цитат и мыслей. Доцент прибежал домой сильно обеспокоенный – не хватало еще опозориться перед студентами. Открыл «Капитал», нашел цитату – выдохнул: все правильно. Спустя неделю Гайдар признал свою ошибку, но, списывая доску формулами, стал доказывать, что «Маркс был не прав».

Кошкин пригласил Гайдара в студенческий кружок, а затем предложил писать курсовую по кафедре экономики промышленности. Именно по этой кафедре Егор и специализировался, а потом писал и дипломную работу.

Стандартная претензия к экономистам гайдаровского призыва состоит в том, что они не знали реального устройства экономики, того, что называется «практикой». Все обстоит с точностью до наоборот: именно практикой – на основе эмпирического анализа и оценки данных предприятий

– лидеры команды реформаторов и занимались. Сергей Васильев, например, со студенческих лет в Ленинградском финансово-экономическом институте работал в институтской научно-исследовательской лаборатории, а затем возглавлял большую «взрослую» лабораторию региональных исследований, размером с НИИ, где выполнялись практические хозяйственные работы (так называемая Проблемная лаборатория). Точно так же строилась биография Анатолия Чубайса, чьей специальностью в Ленинградском инженерно-экономическом институте была организация машиностроительного производства (а трудился он на кафедре экономики исследований и разработок). Гайдар же изучал реальную работу и реальное устройство организаций и предприятий, входивших в Министерство электротехнической промышленности, еще студентом принимал участие в хозяйственных работах и со своим научным руководителем Кошкиным объездил пол-Союза.

Уже на третьем курсе Гайдар выиграл конкурс студенческих работ, диплом защитил по оценочным показателям хозяйственных механизмов работы предприятий, затем, поступив в аспирантуру экономфака, за год (вместо положенных трех) написал диссертацию примерно по той же тематике. И в 1980 году, как раз тогда, когда диссертация под названием «Оценочные показатели в механизме хозяйственного расчета производственных объединений (предприятий)» была защищена, вышла первая большая книга Егора, написанная в

соавторстве с В. Кошкиным и Ф. Ковалевым. Большинство расчетов делал Гайдар.

Среди прочего в книге можно было между строк прочитать о причинах провалов некоторых опытов косыгинской реформы. Точнее, даже провалов успехов – нераспространения результатов смелых экспериментов на всю страну. Или формального, то есть фиктивного, с обратным эффектом, распространения. Например, так называемого щекинского метода, в соответствии с которым на Щекинском химкомбинате с 1967 года был установлен стабильный фонд заработной платы, а экономия, полученная благодаря росту производительности труда и высвобождению части персонала, могла использоваться на повышение зарплат оставшихся работников. Уж слишком «рыночной» была эта мера, которая неизбежным образом рассыпалась от соприкосновения с советской самовоспроизводящейся реальностью. Газета «Правда» в 1982 году констатировала: «Щекинцы, имея лучшие в отрасли производственные показатели, оказались в крайне затруднительном финансовом положении. Достигнутая к концу года экономия фонда зарплаты сокращала „базу“ для нового плана, и фонд на каждый последующий год оказывался урезанным. Это привело к тому, что при введении в 1975 г. новых окладов и тарифных ставок комбинат был вынужден из-за недостатка средств отменить 1700 работникам положенные надбавки и доплаты».

Даже в это самое глухое застойное время и в главных га-

зетах, и в узкопрофессиональной книге можно было иногда привести вопиющие примеры того, как в реальности устроена советская экономика. Вот характерный и впечатляющий фрагмент из статьи Гайдара: «В условиях дефицитности продукции производители способны навязать потребителям более дорогую продукцию еще на стадии заключения договоров о поставках. Так, Харьковский электроаппаратный завод снял с производства выключатели и предложил Гомельскому, Липецкому и Ереванскому станкозаводам заключить договор на новые, более тяжелые и дорогие выключатели, оснащенные дополнительными, ненужными данным заводам деталями. Станкозаводы, чтобы не остаться без комплектующих изделий, вынуждены были заключить договор, хотя им было невыгодно – ведь после удорожания выключателя цена на станки не пересматривалась. В результате станкозаводы при получении новых выключателей вынуждены их разбирать, лишние части выбрасывать, а необходимые детали ставить на станки».

Егор пытался разобрать механизм работы предприятий до последней шестерни – на основе живых исследований, теоретических знаний, математических расчетов – и найти слабые звенья, чтобы понять причины торможения и неэффективности.

То, чем занимался Гайдар в первые годы своего становления – детальным изучением функционирования социальных предприятий и попытками понять, математиче-

ски и практически, какие именно стимулы могли бы их заставить работать сколько-нибудь продуктивно, напоминало «игру в бисер» в придуманной Германом Гессе стране интеллектуалов Касталии. Эта «игра» оставалась самодостаточной, потому что выход из тупика, в том числе интеллектуального, лежал только через рынок.

В 1984 году в том же издательстве «Экономика» выйдет еще одна книга Гайдара и Кошкина все о том же – «Хозрасчет и развитие хозяйственной самостоятельности предприятий». Но там уже можно будет найти следы совместных штудий ленинградцев и москвичей, выходивших на новый виток понимания проблем реформирования социализма, – сравнительный анализ советской и передовых для того времени югославских, чехословацких, венгерских, польских практик. А также цитаты из некоторых культовых для молодых экономистов сочинений, разрешенных к чтению по недосмотру властей: венгерского экономиста Яноша Корнаи и венгерского же журнала на английском языке *Acta oeconomica*, ставшего самым важным чтением в продвинутой экономической среде и в Ленинграде, и в Москве.

Здесь потребуются некоторые пояснения. Эпоха была, возможно, самой мрачной в развитии постсталинского Советского Союза. Этап тоскливой безысходности и в то же время излучения реликтового страха – Сталина не было, страх оставался. Как писал классик советской литературы

Вениамин Каверин в своих мемуарах, «это был прочно устоявшийся страх, как бы гордившийся своей стабильностью, сжимавший в своей огромной лапе любую новую мысль, любую, даже робкую, попытку что-либо изменить. Это был страх, останавливающий руку писателя, кисть художника, открытие изобретателя, предложение экономиста». Страх, усугубленный танками в Праге в 1968-м, и безысходность, усиленная вторжением в Афганистан в 1979-м.

Главное, что отличало молодых людей, которые потом войдут в команду Гайдара и Чубайса, от экономистов-практиков советской формации и инженеров, – это попытка преодолеть страх. И первым шагом к этому было самообразование. Поиски альтернативного, неортодоксального знания.

Из библиотек они уходили последними, ближе к десяти вечера. А вот чего им не хватало в аспирантские годы конца 1970-х – так это единомышленников, с которыми можно было бы обмениваться информацией и книгами и дискутировать о действительно важных вещах, не теряя время на фасадные обсуждения материалов очередного съезда.

Можно назвать этот период временем интеллектуальной изоляции, хотя удивительным образом и москвич Гайдар, и его будущие ленинградские друзья, еще не зная друг о друге, нащупывали одну и ту же колею. Многие читали Мансура Олсона и, в частности, его классическую работу «Логика коллективных действий». Но главное – познакомились в английском переводе с «Антиравновесием» (1971) и «Эконо-

микой дефицита» (1980) Яноша Корнаи. Собственно, ключевая мысль Корнаи – не только в этих работах – состояла в том, что экономика дефицита органически присуща социализму и избавиться от нее в рамках социалистической системы нельзя. Можно только перейти к экономике избытка, которая, в свою очередь, органически присуща капитализму. О том, как происходило это знакомство с анализом сути и содержания дефицитной и внутренне неравновесной советской экономики, рассказал Сергей Васильев – на своем примере: «Фамилия Корнаи нам была хорошо известна, в институте мы проходили так называемый метод Корнаи – Липтака, позволявший находить оптимальные решения в задачах линейного программирования с большой размерностью. Тут, однако, выяснилось, что Корнаи не только сильный экономист-математик, но и крупный специалист в экономической теории... я загорелся идеей найти саму книгу («Антиравновесие». – А. К.). Нашел ее через полгода (в 1979 году. – А. К.) в библиотеке Ленинградского отделения ЦЭМИ и прочел залпом... А „Экономику дефицита“ впервые увидел в ксерокопии на руках у Сергея Коковкина весной 1982 года, когда я в числе большой группы финэковских (из ленинградского Финансово-экономического института. – А. К.) молодых экономистов участвовал в семинаре в Академгородке». Вячеслав Широнин, коллега Гайдара по лаборатории в Институте системных исследований, вспоминал, что впервые прочитал Корнаи в ксерокопированном виде в 1982-м, Олег

Ананьин, основной соавтор Егора по статьям начала-середины 1980-х, ознакомился с основными трудами венгра существенно раньше, в чешском переводе с венгерского.

У венгерского профессора был странный, какой-то полуофициальный статус – например, до определенного момента ему было запрещено преподавать, однако научной работой он мог заниматься. Корнай, изгнанного из Академии наук Венгрии, вернул в академические структуры лично генеральный секретарь Венгерской социалистической рабочей партии товарищ Янош Кадар. Будучи неортодоксальным экономистом, к тому же открытым немарксистом, Корнай после 1956-го публично против властей не выступал, потому что считал важным для себя сохранить возможность заниматься экономическими исследованиями. И с конца 1960-х работал в Стэнфорде, Принстоне, Стокгольме, а затем и в Гарварде, но неизменно при этом возвращался в Венгрию.

Для него это было важно. Как писал британский экономист Роберт Скидельски, «если бы Корнай последовал за 250 тысячами венгерских эмигрантов, он был бы отрезан от предмета своих исследований». Было и нечто очень личное, удерживавшее Корнай на родине. «Мы – венгры», – говорил его отец, когда не отпустил старшего брата Яноша в эмиграцию в Британию во время оккупации Венгрии. Брат был убит нацистами, сам Корнай-старший отправлен в Аушвиц. А Янош Корнай оказался одним из тех венгерских евреев, кто был спасен Раулем Валленбергом. Для скрывавшегося от

нацистов в иезуитском монастыре еврейского юноши вступление в коммунистическую партию после войны было абсолютно естественным.

Но уже в начале 1950-х Янош расстался с коммунистическими иллюзиями. За месяц до событий 1956 года Корнаи опубликовал свою диссертацию с очень точным, как и все его ключевые книги, названием – «Сверхцентрализация в экономическом управлении». Молодой экономист пришел к выводу о том, что дефекты социалистического хозяйствования – системные, единственный настоящий стимул в этой сверхцентрализованной структуре – насилие. В преддверии революции такой вывод выглядел попавшим в точку в нужное время в нужном месте.

Для погружения в экономику молодой журналист, не имевший экономического и математического образования, выбрал нейтральный язык математики. Корнаи был очарован красотой математической экономики и особенно моделью Василия Леонтьева «затраты – выпуск», специалистом по которой была его будущая жена Жужа. Без «затрат – выпуска» Янош не обрел бы личное счастье.

Соавтором Корнаи стал Тамаш Липтак. Сам Корнаи описывал его как такого Дон Кихота, гениального математика, слегка не от мира сего, что, впрочем, оборачивалось для Липтака вполне земными последствиями – после событий 1956 года он дважды арестовывался. В западных академических изданиях стали появляться статьи двух венгров – один

был только что выпущен из тюрьмы, другой – изгнан из Академии.

Как и большинство экономистов-математиков, соавторы искали священный Грааль – оптимальную модель функционирования социалистической экономики. Это была все та же игра в бисер. Возникла, по выражению венгерского экономиста Ласло Антала, «иллюзия регулирования». Впоследствии Корнай говорил о том, что механическое использование математических моделей «наносит серьезный ущерб нашей дисциплине», то есть экономике. Модели не отражали реального состояния экономической системы, данные были недостоверными, равновесия никак не удавалось достичь. «В условиях экономики дефицита, – писал Корнай в книге, подытоживавшей его научный опыт, «Размышления о капитализме» (2011), – незадачливые покупатели покупают не то, что хотели изначально, не тогда и не там, где планировали... приходится довольствоваться покупкой с горьким сознанием того, что любые последующие попытки могут закончиться еще хуже. Этот момент можно назвать точкой покоя, или состоянием равновесия». Но ведь не такое равновесие нужно потребителю.

С 1960-х годов Корнай пришел к выводу о том, что есть более совершенная система институтов и, главное, стимулов – рынок, гораздо более эффективно заменяющий безуспешно пытающегося учесть все входящие данные плановика, утонувшего в равновесных моделях. Даже если имя это-

го плановика Василий Леонтьев. Капитализм, писал Корнаи, «получает мощнейший толчок благодаря комбинации децентрализованной информации и децентрализованных стимулов».

«Экономику дефицита», увидевшую свет в 1980-м, в СССР журнал ЦК КПСС «Диалог» решится печатать фрагментами только на рубеже 1989–1990 годов, когда с социализмом уже все было ясно. И становилось все яснее с каждым месяцем, когда экономика дефицита являла себя во всей сомнительной красе, да еще в сочетании с инфляцией, переходящей из латентной в открытую форму.

Ключевая мысль Корнаи состояла в том, что экономика дефицита органически присуща социализму и избавиться от нее в рамках социалистической системы, в отсутствие частной собственности и децентрализованных стимулов, нельзя. Можно только перейти к экономике избытка, которая, в свою очередь, органически присуща капитализму. «Экономику избытка... я бы мог назвать экономикой избыточно-го предложения, точно так же как экономику дефицита мы могли бы окрестить экономикой избыточного или чрезмерного спроса», – писал Корнаи. Напоминает формулу одного из персонажей гайдаевской «Кавказской пленницы»: «Есть желание – нет возможности!»

Корнаи ввел понятие «мягких бюджетных ограничений», описывающее спасение при социализме «фирм», даже тех, которые неэффективны. В результате неэффективными ста-

новятся почти все. Однако этот феномен проявляет себя и при капитализме, особенно если этот капитализм государственный: «При наличии шансов на помощь со стороны государства, в случае банкротства и кредитор, и инвестор склонны вести себя легкомысленно. В условиях классического капитализма тормозом для стремления к расширению служит жесткость бюджетных ограничений. Когда, при нынешнем капитализме, эти ограничения смягчаются, капиталистические предприятия начинают участвовать в рискованных инвестиционных проектах с тем же энтузиазмом, с каким это делали руководители при социализме». Вполне узнаваемая картина!

В работе 1989 года «Путь к свободной экономике» Корнаи отмечал, что бессмысленно ждать от государственного предприятия поведения, которое свойственно частному. Это были иллюзии косыгинской, а затем горбачевской реформы предприятий, но в том числе и венгерских преобразований 1968 года. Государственный производственный сектор – часть государственной бюрократии, настаивал Корнаи, и предупреждал, что директор и собственник – это разные функции: «Руководитель не имеет права продавать предприятие». Это предупреждение по поводу краснодиректорской, или стихийной, приватизации в полной мере и учли реформаторы, когда в 1992-м началось противостояние с мощнейшим краснодиректорским лобби.

...Кто бы мог подумать, что уже в 1988 году во время ста-

жировки в Венгрии Чубайс лично познакомится с Корнаи, но еще раньше, в период работы над анализом опыта восточноевропейских реформ, с классиком встретится Гайдар. Сам Янош Корнаи вспоминал об этом так: «Хорошо помню нашу первую личную встречу, задолго до краха советской империи. Он пришел ко мне в гостиницу, где я остановился в качестве участника международной конференции. В начале разговора Гайдар дал мне понять, что в гостинице не стоит обсуждать серьезные вопросы, – он явно опасался прослушки. Прогуливаясь по парку, мы беседовали – очень искренне – о перспективах социализма. Он хорошо знал мои работы и не раз отмечал, что они существенно повлияли на его образ мыслей».

Библиотеки, прежде всего они, способствовали быстрому взрослению. Диссертацию Гайдар написал слишком быстро. (Та же история – поразительное совпадение – произошла с Васильевым, который сначала написал диссертацию о региональной экономике, а потом – книгу о югославской экономической системе, которую хорошо знал, и все это в течение нескольких месяцев; что характерно, и Егор, и Сергей владели сербскохорватским и изучали опыт югославских реформ.) Защитился в 1980-м, окончив аспирантуру ровно за два года. Звание кандидата наук формально было присвоено в 1981 году, когда Гайдар уже работал младшим научным сотрудником в НИИ системных исследований.

Студенческое желание быть «умным евреем при губернаторе» сменилось чем-то большим. Это нечто большее не было еще оформлено в осознание 24-летним человеком ответственности участия в практической реализации реформ, тем более что условий для этого не было. Но интерес Гайдара переключился с «игры в бисер» на изучение опыта преобразований в странах восточного блока.

Гайдар до распределения после аспирантуры на работу оставался один, без единомышленников. И пробивался в изучении устройства советской экономики и путей ее коррекции в одиночку. Схожую эволюцию переживали ленинградцы. Им, правда, было сложнее по причине большей идеологической зажатости Северной столицы по сравнению с Москвой и дефицита источников самообразования. Зато они действовали не в одиночку.

Началось все осенью 1979 года. Двадцатичетырехлетний аспирант Инженерно-экономического института и член партии Анатолий Чубайс руководил погрузкой и разгрузкой картофеля в совхозе «Бор». Собственно, он всегда и всем руководил внутри института, был вечно занят, метался между библиотекой и выполнением различных работ. 7 октября, в жуткую погоду, в день брежневской Конституции, принятой двумя годами ранее, три молодых человека отвлеклись от сельскохозяйственных занятий и занялись привычным делом – стали обсуждать советскую экономику.

Юрий Ярмагаев, выпускник матмеха ЛГУ, горячий молодой человек в очках, отличавшийся радикальными антикоммунистическими взглядами, отказывался принимать на веру постулаты советской политэкономии и требовал не «гуманитарных», а логически-математических доказательств правоты единственно верного учения. Глазков, выпускник экономфака ЛГУ, был человеком, который все вокруг пытался анализировать и подвергать сомнению и потому как минимум скептически относился к экономическим начинаниям советской власти. В то время он уже всерьез заинтересовался психологией и подумывал о смене профессии, что и произойдет, но намного позже, чем он сам рассчитывал. Чубайс затеял спор о плюсах и минусах постановления ЦК и Совмина Союза № 695 «Об улучшении планирования и усиления воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Постановление не столько развивало, сколько корректировало некоторые из начинаний захлебнувшейся косыгинской реформы 1965 года и представляло собой опись весьма осторожных мер, следствием которых должна была стать чуть большая самостоятельность предприятий. «Центральная идея и определенное нововведение, пожалуй, состояли в том, чтобы завязать экономические стимулы не вообще на выполнение плана по валовым показателям, а на „конечные результаты“. Можно сказать, что под „конечными результатами“ понималось удовлетворение спроса», – писал Евгений Ясин об этом

постановлении в книге «Российская экономика».

В этом документе, который, кстати говоря, Гайдар анализировал в своей первой совместной книге с Кошкиным и в диссертации, в качестве основных показателей эффективности производства были указаны индикаторы производительности труда и продукция высшей категории качества.

Словосочетание «хозяйственный механизм», использованное в постановлении, не было случайным. Советский идеологический вокабуляр был сложной системой псевдонимов и скрытых смыслов. Например, «финансовая несбалансированность» – это ведь инфляция, как рассказывал сам Гайдар. Не то чтобы «хозяйственный механизм» предполагал какие-то рыночные начала, но, как выяснялось через «второй клик», по определению Гайдара и Кошкина, – это «система связей между обществом в лице государства и звеньями социалистического производства... по поводу выбора конкретных целей производства и реализации принятых решений». Ах, этот язык позднего марксизма-ленинизма: речь здесь шла о возможности внедрения государством рыночных, точнее, квазирыночных стимулов. Но именно потому, что стимулы эти были псевдорыночными, они и не работали. И не могли заработать.

Коллеги убеждали Чубайса, что предложенные властью механизмы работать не будут. «Докажи!» – запальчиво спорил будущий реформатор. Рациональных доказательств у Глазкова и Ярмагаева не было, хотя Григорий Юрьевич чув-

ствовал, что Чубайс и сам понимал правоту новых друзей. Единственный аргумент, который мог привести Глазков, носил скорее метафорический характер: «Пружины в нем нет». И это было чистой правдой, потому что в логике плановых показателей, доводимых до предприятий по производству, труду и социальному развитию, материально-техническому снабжению, никакая реформа невозможна в принципе. Для реальных преобразований нужна была совершенно иная система координат.

Молодые экономисты, конечно, знали о том, что с 1972 года лучшие экономические, математические (преимущественно из Центрального экономико-математического института, ЦЭМИ) и технические умы страны участвовали в подготовке первой Комплексной программы научно-технического прогресса (КП НТП). Глава ЦЭМИ академик Николай Федоренко, экономисты Александр Анчишкин, Юрий Яременко, Николай Петраков, Станислав Шаталин, Борис Ракитский, Евгений Ясин и еще 270 специалистов работали над решением народно-хозяйственных проблем и пытались построить научно-технические прогнозы. Работу возглавлял вице-президент АН СССР Владимир Котельников, за подготовкой присматривал лично президент Академии Мстислав Келдыш. Тогдашний сотрудник ЦЭМИ Леонид Лопатников вспоминал: «Решающим доводом против включения того или иного радикального предложения в текст зачастую было пресловутое „наверху не поймут!“. Так и писали, сами

себя держа за руку».

Семнадцать томов программы, не считая сводного, были готовы к весне 1973 года, прошли обсуждение на совещании у Косыгина. В 1974-м Госплан принял постановление об учете материалов программы в подготовке плана десятой пятилетки. И все... На этом игра в модернизацию экономики была закончена. Пар ушел в свисток.

Аналогичные тома программы готовились тогда к каждой пятилетке, что не влияло на реальное положение дел. В 1983 году появился новый вариант КП НТП на 1986–2005 годы – несмотря на резко критический, а иногда алармистский тон текста, мало кто думал, что экономика и страна развалятся уже через несколько лет.

В авторах значилась бесконечно тавтологичная трехэтажная конструкция: Проблемная комиссия «Основные проблемы развития народного хозяйства СССР» Научного совета по проблемам научно-технического и социально-экономического прогнозирования при Президиуме АН СССР и ГКНТ (председатели – Вадим Кириченко, директор НИЭИ (Научно-исследовательский экономический институт) Госплана, Юрий Яременко и Эдуард Баранов, в то время заместители директора ЦЭМИ). Среди разработчиков «Проблемного раздела» числились три представителя будущего правительства реформ – Андрей Нечаев, Владимир Лопухин, Александр Шохин.

В текстах, сгруджавшихся в гигантский свод Комплексной

программы, уже использовались выражения «реально осуществимый вариант» (по сравнению с «нормативным», а это означало признание нереализуемости планов), «несбалансированность между платежеспособным спросом и ресурсами товарного предложения», «неблагоприятные тенденции, обусловленные ограниченными возможностями экстенсивного роста», «малоэффективные затраты и потери», «замедление инвестиционной деятельности», «энергетическая расточительность», «материально-финансовая несбалансированность», «дефицитность всех видов народно-хозяйственных ресурсов». Констатировалась среди прочего (не зря КП НТП шла под грифом «для служебного пользования») и проблема денежного навеса – денег, не обеспеченных товарами: «Излишняя величина обращающихся платежных средств на конец 1980 г. составляет, по нашей оценке, не менее 120 млрд рублей. В то же время перенасыщение народного хозяйства платежными средствами сопровождалось созданием (на ту же дату) излишних запасов товарно-материальных ценностей не менее чем на 40–45 млрд рублей и неоправданных заделов незавершенного строительства в размере не менее 30–40 млрд рублей».

Кто бы знал тогда, что устранять этот денежный навес придется именно Гайдару.

«Бронепоезд» советской экономики, имитируя движение и страшно скрежеща, так и продолжал стоять «на запасном

пути». Тогда еще далеко не все авторы программы догадывались, что они перепутали причины и следствия. Справедливо думали, что источник роста – НТП. Но ошибались в том, что научно-технический прогресс можно спланировать. И совершенно не учли, что НТП – прямое следствие развития открытой рыночной экономики, основанной на частной собственности.

Предпоследним заметным приступом реформаторства в доперестроечные годы как раз и стало то самое постановление 1979-го «Об улучшении планирования...». Как вспоминал Евгений Ясин, сначала хотели проводить пленум в духе 1965 года. Важную роль в подготовке этой попытки «рывка» играл зампред Совмина СССР, председатель Госплана РСФСР, а затем и СССР Владимир Новиков, который на волне реформ 1965 года стал заместителем главы правительства и проработал с Алексеем Косыгиным до его отставки. У него в аппарате работал Моисей Уринсон, отец будущего министра экономики Якова Уринсона.

Вот что говорил Яков Уринсон: «Готовился тогда знаменитый пленум ЦК КПСС по производительности труда и научно-техническому прогрессу, поскольку всем было ясно, что в науке и технике мы уж точно отстаем. Мы умеем сделать лучшую в мире ракету, или лучший в мире танк, или подводную лодку, но массовую продукцию на базе НТП производить не можем. Поэтому сначала Новиков и Кириллин, а потом вместе с ними Байбаков, Гвишиани и другие попыта-

лись под лозунгом научно-технического прогресса вернуться к косыгинским реформам».

А вот чего не знали молодые ленинградские экономисты, так это того, что Комиссия зампреда Совмина Союза и председателя Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ – это ведомство вскоре еще раз появится в нашем повествовании) Владимира Кириллина готовила доклад о состоянии советской экономики и возможных мерах по исправлению не самой блестящей ситуации. В июне 1979 года, за четыре месяца до встречи трех парней на картошке в совхозе «Бор», руководству страны был представлен отчет «О комплексных мероприятиях по повышению эффективности народного хозяйства, дальнейшему улучшению планирования и ускорению научно-технического прогресса».

Вот некоторые констатации доклада. «Трудно найти такую товарную группу, на товары которой спрос удовлетворялся бы полностью». «По ориентировочным оценкам, в 1970 г. 20 %, а в 1978 г. – уже 53 % прироста сбережений образовалось в результате неудовлетворенного спроса». В 1978 году телефонов в СССР было в 10 раз меньше, чем в США, компьютеров – в 100 раз меньше, в 5 % городов и 15 % поселков не было водопровода, в 30 % городов и 60 % поселков – канализации. «Неудовлетворенный спрос, порождая такие негативные явления, как... чрезмерное потребление спиртных напитков, развращает людей и наносит обществу не только экономический, но и громадный моральный

ущерб». Показатели смертности растут. В 1971 году, в частности, младенческая смертность составляла 22,9 на 1000 родившихся; в 1975-м – 26,3; в 1976-м – 31,4. Это в 1,5–3 раза выше, чем аналогичный показатель в развитых странах.

Для реализации реформ не хватило политической воли. Сам доклад комиссии засекретили, а зампреду Совмина СССР, академику, видному теплофизику Владимиру Кириллину он стоил правительственной карьеры. Хотя считается, что Кириллин сам подал заявление об уходе с поста вице-премьера – уникальный в советской практике случай. В результате все ограничилось постановлением, которое по большому счету уже ничего не могло изменить в самой плановой и математически обчисленной экономике в мире.

Советская экономика выглядела как персонаж большого театра абсурда: из «Плана статистических работ ЦСУ СССР на 1981 год» (и это лишь один пример): «11 раздел. План работы по отделу статистической информации... п. 4. Подготовка сообщений о досрочном выполнении плана. Срок предоставления – декабрь».

Владимир Мау по поводу приступов реформаторства 1979 и 1983–1984 годов писал: «В любом случае ни одна из проводившихся или обсуждавшихся реформ не предполагала изменения формы собственности. Это, кстати, был удивительный ментальный феномен, характерный для сознания наших экономистов (я помню это по себе). Тогда казалось, что либерализация экономических отношений без затраги-

вания вопроса собственности может дать существенный эффект. Сейчас это понять совершенно невозможно».

Наверное, такая позиция экономистов, даже самых радикально мыслящих, была в то время интуитивно связана с тем, что именно изменения отношений собственности стали бы приговором советской власти. И потому все усилия молодых интеллектуалов были направлены на то, чтобы придумать способы «совершенствования хозяйственного механизма». Они хотели не уничтожения всего советского, а экономических реформ внутри системы. Тогда еще сохранялись иллюзии, что экономические реформы и советская власть, изменения в экономическом каркасе СССР и империя совместимы.

Дальнейшие поиски способов оценки системы и методов ее улучшения естественным образом привели ленинградцев Чубайса, Ярмагаева и Глазкова к созданию маленького кружка экономистов. Коллеги написали совместную статью, которая уже в 1982 году была издана в бледно-сером межвузовском сборнике научных трудов. Он назывался зубодробительно скучно, как все подобного рода брошюры (в научном фольклоре их прозвали «братской могилой»): «Совершенствование управления научно-техническим прогрессом в производстве». В статье Ярмагаева, Глазкова и Чубайса утверждалось, что «необходимым условием действительного улучшения работы предприятий в условиях НТП

и, в частности, увеличения объемов выпуска до уровня реальных возможностей является повышение гибкости и снижение степени директивности централизованного планирования». Основным критерием «оценки конечного результата деятельности предприятия», по мнению авторов, мог служить «лишь один показатель» – прибыль. «Другим важным элементом хозяйственного механизма... выступает система ценообразования, совершенствование которой должно осуществляться в направлении повышения гибкости и обоснованности цен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.